ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ВОСТОЧНОМ СОСЕДСТВЕ ЕС: МЕЖДУ ЕВРОПЕЙСКИМИ УСТРЕМЛЕНИЯМИ И КОНФЛИКТНОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ

Людмила ГОЛОВАТАЯ, доктор, доцент
Государственного Университета Молдовы
https://orcid.org/0009-0003-9361-4553
golovataya4@gmail.com

Аннотация: *В статье анализируется роль концепции человеческой безопасности в политике Европейского союза по отношению к странам восточного соседства. Особое внимание уделяется напряжённости между европейскими устремлениями государств региона (в частности Украины, Молдовы и Грузии) и сложной геополитической реальностью, включающей вооружённые конфликты, внутреннюю нестабильность и внешнее влияние. Рассматриваются подходы ЕС к обеспечению прав человека, верховенства закона и устойчивого развития, а также ответные меры на гуманитарные вызовы, вызванные войной, миграцией и замороженными конфликтами. На основе документального анализа и сравнительного подхода в статье подчёркивается необходимость интеграции компонента человеческой безопасности в стратегические рамки ЕС и выдвигаются рекомендации по усилению устойчивости, поддержки гражданского общества и построению справедливого и безопасного пространства в восточном соседстве.*
Ключевые слова: *Европейский Союз, восточное соседство, человеческая безопасность, конфликт, миграция, права человека, Молдова, Украина, Грузия, Восточное партнёрство, политика соседства, ЕС.*

HUMAN SECURITY IN THE EASTERN NEIGHBOURHOOD OF THE EU: BETWEEN EUROPEAN ASPIRATIONS AND CONFLICT REALITIES

Abstract: *This article examines the role of the concept of human security in the European Union's policy towards the Eastern Neighbourhood countries. It focuses on the tension between the European aspirations of countries such as Ukraine, Moldova, and Georgia, and the complex geopolitical reality marked by armed conflicts, internal instability, and external influence. The study explores the EU's approaches to promoting human rights, the rule of law, and sustainable development, as well as its responses to humanitarian challenges triggered by war, migration, and frozen conflicts. Based on document analysis and a comparative perspective, the article argues for the deeper integration of human security into EU strategic frameworks and proposes recommendations for strengthening resilience, supporting civil society, and building a more just and secure Eastern Neighbourhood.*
Keywords: *European Union, Eastern Neighbourhood, human security, conflict, migration, human rights, Moldova, Ukraine, Georgia, Eastern Partnership, EU neighbourhood policy.*

SECURITATEA UMANĂ ÎN VECINĂTATEA ESTICĂ A UE: ÎNTRE ASPIRAȚII EUROPENE ȘI REALITĂȚI CONFLICTUALE

Rezumat: *Acest articol analizează rolul conceptului de securitate umană în politica Uniunii Europene față de țările din vecinătatea estică. Se pune accent pe tensiunea dintre aspirațiile europene ale unor state precum Ucraina, Moldova și Georgia și realitatea geopolitică complexă, marcată de conflicte armate, instabilitate internă și influențe externe. Studiul examinează abordările UE în promovarea drepturilor omului, a statului de drept și a dezvoltării durabile, precum și reacțiile sale la provocările umanitare generate de război, migrație și conflictele înghețate. Pe baza unei analize documentare și a unei perspective comparative, articolul susține necesitatea integrării mai profunde a dimensiunii securității umane în cadrul strategic al UE și propune recomandări pentru consolidarea rezilienței, sprijinirea societății civile și construirea unui spațiu estic mai echitabil și sigur.*
Cuvinte-cheie: *Uniunea Europeană, vecinătatea estică, securitate umană, conflict, migrație, drepturile omului, Moldova, Ucraina, Georgia, Parteneriatul Estic, politica europeană de vecinătate.*

Введение

В последние десятилетия восточное соседство Европейского союза стало ареной серьёзных геополитических трансформаций, социальных потрясений и вооружённых конфликтов. Такие страны, как Украина, Молдова и Грузия, демонстрируют стремление к европейской интеграции, продвигая реформы и укрепляя демократические институты. Однако эти устремления сопровождаются серьёзными вызовами: территориальные споры, нестабильность, внешнее вмешательство и массовые гуманитарные кризисы ставят под угрозу не только государственную безопасность, но и базовые права и свободы граждан.

На этом фоне всё большую значимость приобретает концепция человеческой безопасности, которая фокусируется не столько на защите границ, сколько на защите человека, его достоинства, доступа к правосудию, медицинской помощи, образованию и свободной жизни. Европейский союз, позиционируя себя как защитник прав и ценностей, всё чаще включает этот подход в свою политику соседства.

Настоящая статья направлена на то, чтобы проанализировать, как ЕС реализует принципы человеческой безопасности в восточном соседстве, и какие вызовы и перспективы формируют этот процесс.

Понятие человеческой безопасности. Человеческая безопасность — это современная концепция, смещающая акцент с защиты государства как основного объекта безопасности на защиту человека как личности, носителя прав и достоинства. В отличие от традиционного подхода к безопасности, который сосредоточен на территориальной целостности, военных угрозах и защите государственных интересов, человеческая безопасность охватывает более широкий спектр вызовов, включая бедность, болезни, насилие, миграционные кризисы, дискриминацию, экологические катастрофы и нарушение прав человека. В центре внимания — право каждого человека жить в условиях свободы, защищённости и достоинства.

Впервые концепция человеческой безопасности была институционализирована на международном уровне в Докладе о человеческом развитии Программы развития ООН (ПРООН) в 1994 году. В этом документе были выделены семь ключевых компонентов человеческой безопасности: экономическая, продовольственная, медицинская, экологическая, личная, общественная и политическая безопасность. В контексте Европейского союза идея человеческой безопасности начала набирать значимость в начале 2000-х годов, особенно с принятием Европейской стратегии безопасности (2003), в которой подчёркивалось, что угрозы XXI века имеют не только военный, но и социальный, гуманитарный и экологический характер [4]. С этого момента в подходе ЕС к внешней политике и политике соседства усилилась гуманитарная и ценностная составляющая.

Дальнейшее развитие концепции произошло в рамках Глобальной стратегии ЕС по внешней политике и безопасности, принятой в 2016 году. В этом документе человеческая безопасность чётко фигурирует как один из приоритетов, особенно применительно к странам, находящимся в конфликте или постконфликтной фазе [4]. ЕС определяет безопасность не только как защиту от внешних угроз, но как "свободу от страха и нужды" и "возможность жить в достоинстве", подчёркивая взаимосвязь безопасности с правами человека, устойчивым развитием и социальным включением [6].

Концепция человеческой безопасности принципиально отличается от традиционного понимания. В то время как традиционная безопасность ориентирована на государство как основной объект защиты и предполагает противодействие военным и внешнеполитическим угрозам с помощью армии и разведки, человеческая безопасность ставит в центр внимания

индивида и его повседневную уязвимость. Средствами обеспечения человеческой безопасности становятся политика развития, гуманитарная помощь, поддержка прав человека и укрепление гражданского общества. Такой подход является более комплексным и гибким, особенно в регионах с высоким уровнем нестабильности и гуманитарных рисков [5].

В рамках Европейского союза понятие человеческой безопасности было интегрировано в ряд стратегических документов и политик. В первую очередь, оно отразилось в упомянутой Глобальной стратегии ЕС (2016), а также в Стратегии ЕС по правам человека и демократии на 2020–2024 годы [14], где акцент сделан на защиту уязвимых групп, продвижение прав женщин, детей и меньшинств, а также обеспечение справедливого доступа к правосудию и основным услугам. Кроме того, человеческая безопасность присутствует в рамках Европейской политики соседства (ENP), особенно в направлениях, касающихся Восточного партнёрства [1]. Здесь внимание уделяется вопросам верховенства права, социальной защиты, доступа к образованию и здравоохранению, защите мигрантов и внутренне перемещённых лиц. ЕС также активно использует инструменты гражданской защиты и гуманитарной помощи (через DG ECHO), ориентируясь на защиту человеческой жизни в условиях кризисов и катастроф [2].

Важным примером практической реализации концепции человеческой безопасности являются гражданские миссии ЕС в рамках политики общей безопасности и обороны (CSDP), такие как EUMM в Грузии [13]. Цель этой миссии — не только мониторинг границ и предотвращение конфликтов, но и обеспечение безопасности и доверия для граждан, проживающих в зоне бывших конфликтов.

Таким образом, понятие человеческой безопасности в рамках Европейского союза становится важным концептуальным и практическим инструментом, позволяющим переосмыслить традиционные подходы к внешней политике и политике соседства. Оно подчёркивает приоритет прав личности, социальной справедливости и устойчивого развития как неотъемлемых компонентов мирной и безопасной Европы, особенно в условиях нестабильности, конфликтов и трансформаций, происходящих в восточном соседстве ЕС.

Восточное соседство ЕС: обзор региона.

Восточное соседство Европейского союза охватывает шесть стран: Украину, Молдову, Грузию, Армению, Азербайджан и Беларусь. Эти государства были объединены в рамках инициативы Восточное партнёрство (EaP), запущенной в 2009 году с целью содействия политическим и экономическим реформам, углубления интеграции с ЕС и укрепления региональной стабильности [1], [7]. Однако с момента её создания регион претерпел глубокие изменения, и на сегодняшний день Восточное соседство характеризуется высокой фрагментацией, гибридными угрозами, затяжными конфликтами и расширением стратегического соперничества между ЕС и Россией [8].

Наиболее активно по пути европейской интеграции идут Украина, Молдова и до некоторых пор Грузия, получившие в 2022 году статус стран-кандидатов на вступление в ЕС [3], [5]. Эти три государства являются ключевыми «проевропейскими» участниками Восточного партнёрства и рассматривают европейский курс как средство укрепления независимости, модернизации институтов и повышения безопасности.

Украина, находясь в состоянии полномасштабной войны с Россией, получает беспрецедентную политическую, финансовую и военную поддержку от ЕС, включая макрофинансовую помощь, программы восстановления и будущую интеграцию в единый рынок [2], [10]. Молдова также активно реформирует судебную систему, борется с коррупцией и укрепляет энергетическую независимость, особенно после отключения от российской

энергетической системы [13]. Грузия, несмотря на проевропейские устремления населения, сталкивается с двусмысленной позицией властей, что вызвало в 2023 году массовые протесты против попыток принять законы, ограничивающие свободу СМИ и гражданского общества по «российской модели». Тем не менее, Европейский совет предоставил Грузии в декабре 2023 года статус страны-кандидата, при условии выполнения дополнительных реформ [3]. В ноябре 2024 года премьер-министр Грузии Ираклий Кобахидзе объявил о заморозке переговоров о вступлении в ЕС до 2028 года, обвинив Брюссель в "шантаже". Это решение вызвало массовые протесты в стране и осуждение со стороны представителей Евросоюза. Таким образом, хотя Грузия официально сохраняет статус кандидата на вступление в ЕС, процесс интеграции временно приостановлен по инициативе грузинского правительства.

Ситуация в Армении и Азербайджане также претерпела радикальные изменения. В сентябре 2023 года Азербайджан провёл молниеносную операцию по восстановлению контроля над Нагорным Карабахом, что привело к исходу более 100 тысяч этнических армян и фактическому роспуску непризнанной НКР. Это событие вызвало серьёзную гуманитарную и политическую тревогу в Европе [10], [11], поставив под сомнение устойчивость диалога Баку–Ереван и роль России как гаранта соглашений. ЕС активизировал посреднические усилия, поддержал гуманитарные миссии и предложил Армении углублённое партнёрство [8]. Армения в ответ активно дистанцируется от России и делает шаги в сторону ЕС, включая ратификацию Римского статута в 2023 году.

Беларусь, напротив, окончательно утратила самостоятельность в сфере внешней политики после 2020 года. Режим Александра Лукашенко усилил репрессии против гражданского общества, передал России доступ к территории страны для размещения войск и ракет, и находится под жёсткими санкциями ЕС. Республика Беларусь де-факто исключена из большинства форматов Восточного партнёрства, но при этом сохраняется в стратегическом анализе ЕС как элемент региональной стабильности и источник возможных миграционных или военных рисков [5].

С точки зрения геополитики, Восточное соседство имеет решающее значение для безопасности и устойчивости всего европейского континента. Оно представляет собой пограничную зону между евроатлантическим пространством и зоной влияния России, а также арену борьбы моделей управления — между демократией, верховенством права и авторитарной стабильностью. Взаимодействие ЕС с восточными партнёрами строится на принципах диалога, добровольного сближения и уважения суверенного выбора каждой страны относительно её внешнеполитического курса. В рамках этой политики особое внимание уделяется развитию экономических связей, модернизации инфраструктуры, энергетической интеграции, а также укреплению правовых и институциональных основ [1], [9]. Регион также важен с точки зрения энергетической безопасности, особенно после начала российско-украинской войны. Азербайджан стал одним из альтернативных поставщиков газа для ЕС [9], [8], Молдова и Украина были подключены к европейской энергосистеме (ENTSO-E), а вопросы энергетического перехода и зелёной трансформации стали частью политического диалога с восточными партнёрами.

Таким образом, Восточное соседство ЕС остаётся зоной повышенного внимания и приоритетного действия, где стратегические интересы безопасности, экономической устойчивости и защиты прав человека переплетаются. Способность ЕС сохранить баланс между принципами и прагматизмом, между ценностями и интересами, определит

эффективность его политики на восточных рубежах и успех усилий по стабилизации региона [5],[7].

Несмотря на свою стратегическую значимость, инициатива на протяжении всех лет подвергалась различным формам критики — как со стороны исследовательского сообщества, так и со стороны политиков и представителей гражданского общества. В основе этой критики лежит целый ряд вопросов, касающихся структуры, эффективности и политической направленности партнёрства [6], [15].

Одним из главных предметов критики стало отсутствие чёткой перспективы членства в ЕС для стран-участниц несмотря на то, что некоторые из них — прежде всего Украина, Молдова и Грузия — последовательно выражали стремление к полноценной интеграции в европейское сообщество. До 2022 года Восточное партнёрство ограничивалось рамками ассоциации и углублённого сотрудничества, что воспринималось многими как половинчатый шаг, не соответствующий ожиданиям и политическим амбициям этих стран. Только в ответ на изменение геополитической обстановки и после начала военного конфликта в Украине Европейский союз предоставил трём из них официальный статус стран-кандидатов, тем самым устранив один из наиболее острых поводов для критики [3].

Второй аспект касается первоначального подхода ЕС, основанного на равном применении политик ко всем шести странам партнёрства, несмотря на значительные различия в их политических системах, уровне демократизации и внешнеполитической ориентации. Такой универсализм, как показывают исследования, ограничивал возможности более гибкой и целенаправленной поддержки. С течением времени ЕС признал необходимость дифференциации, и сегодня в отношениях с «ассоциированной тройкой» (Украина, Молдова, Грузия) применяется отдельный, более амбициозный формат взаимодействия [7], тогда как Армения и Азербайджан ведут диалог в рамках двусторонних соглашений с учётом их специфики.

Немаловажной является и критика в отношении ограниченных возможностей Восточного партнёрства в сфере реагирования на конфликты и кризисные ситуации. В течение долгого времени ЕС демонстрировал сдержанность в отношении затяжных конфликтов в регионе — будь то ситуация в Донбассе, Южной Осетии, Абхазии или Нагорном Карабахе. Восточное партнёрство не включало механизмы жёсткой дипломатической или миротворческой реакции, а также не обеспечивало чётких форматов поддержки гуманитарного реагирования. После 2014 года, а особенно после 2022 года, ЕС стал активнее задействовать такие инструменты, как санкции, гражданские миссии, гуманитарные программы и политическое посредничество, но эта трансформация носила реактивный, а не заранее продуманный характер [10].

Кроме того, критике подвергалось и слабое вовлечение гражданского общества стран-партнёров в принятие решений. Хотя поддержка НПО, студенческих обменов и малых инициатив была частью программы, реальное влияние гражданского сектора на формирование политики считалось недостаточным. В сочетании с низким уровнем общественного информирования о самой инициативе Восточное партнёрство нередко воспринималось как внешнеполитический проект элит, не имеющий широкого общественного отклика. В последние годы ЕС предпринимает усилия по расширению участия граждан и повышению прозрачности, в том числе через цифровые инструменты, молодёжные программы и образовательные платформы [14].

Ещё один важный момент — ограниченность бюджетных и институциональных ресурсов Восточного партнёрства. В условиях масштабных вызовов — от восстановления экономики и модернизации инфраструктуры до реформ правосудия и борьбы с коррупцией — выделяемые ЕС средства часто оказывались несоразмерными поставленным целям. После 2022 года масштабы финансовой и технической помощи значительно возросли, однако вопросы устойчивости, равномерности и прогнозируемости поддержки остаются актуальными [1], [15].

Таким образом, критика Восточного партнёрства в значительной мере обоснована и указывает на структурные и политические ограничения этой инициативы в её первоначальной форме. В то же время следует отметить, что ЕС демонстрирует способность к адаптации и пересмотру подходов: акцент на дифференциацию, усиление политической поддержки, гуманитарной составляющей и вовлечения гражданского общества свидетельствует о стремлении сделать партнёрство более действенным и соответствующим современным вызовам.

Восточное партнёрство продолжает оставаться важным инструментом политики ЕС в регионе, но его эффективность напрямую зависит от гибкости, стратегического видения и способности учитывать разнообразие стран-партнёров и динамику их внутреннего развития [7]. Украина, Молдова и Грузия последовательно демонстрируют приверженность европейскому вектору развития. Их европейский выбор выражается не только на уровне внешнеполитических заявлений, но и в проведении масштабных внутренних реформ, направленных на сближение с институциональной, правовой и экономической архитектурой ЕС. Для этих государств интеграция в Европейский союз рассматривается как стратегическая цель, связанная с обеспечением национальной безопасности, демократизации, устойчивого развития и социальной модернизации [5], [7].

Европейский союз, в свою очередь, активно поддерживает усилия партнёров в проведении структурных реформ, необходимых для укрепления демократических институтов и создания эффективного, прозрачного и подотчётного управления. Наибольшее внимание уделяется таким направлениям, как верховенство закона, борьба с коррупцией, реформа судебной системы, свобода средств массовой информации, а также защита прав человека и прав меньшинств. ЕС предоставляет значительную техническую и финансовую помощь, консультирует по вопросам реформ, содействует обучению госслужащих и судей, а также поддерживает проекты гражданского общества, направленные на повышение общественного контроля и прозрачности [5]. Важной частью поддержки также являются миссии ЕС по мониторингу, наблюдению за выборами и правовому сотрудничеству.

Кроме того, ключевым элементом европейского выбора стран региона становится формирование у населения социальных ожиданий, связанных с улучшением качества жизни, развитием инфраструктуры, модернизацией экономики и укреплением социальной справедливости. Эти ожидания являются не только результатом политических деклараций, но и отражением реального воздействия программ ЕС на повседневную жизнь граждан [6]. При этом выполнение этих ожиданий во многом зависит от темпов и глубины реформ, устойчивости политической воли и способности национальных институтов обеспечить долгосрочные преобразования.

Таким образом, европейские устремления Украины, Молдовы и Грузии формируют особую подгруппу в рамках Восточного партнёрства, где сближение с ЕС приобрело не только политический, но и социальный, культурный и ценностный характер. Их путь к членству не

лишён вызовов, однако он демонстрирует наличие устойчивой политической мотивации, активной общественной поддержки и институциональной адаптации, что делает взаимодействие с ЕС не просто форматом внешней политики, а элементом национальной стратегии развития [7].

Несмотря на провозглашённые устремления к европейской интеграции и тесное сотрудничество с Европейским союзом, Украина, Молдова и Грузия продолжают сталкиваться с системными проблемами, и как раз в сферах, которые являются ключевыми элементами европейской модели — верховенство закона, независимость судебной власти, борьба с коррупцией, свобода СМИ и защита прав человека [15]. Эти сферы представляют собой как приоритеты реформ, так и источники противоречий между заявленными целями и реальной политической практикой.

Верховенство закона и судебная реформа остаются одними из самых чувствительных и труднореализуемых направлений. В Украине, несмотря на создание антикоррупционных органов и реформу Верховного суда, проблема политического давления на суды, коррупция в судебной системе и избирательное правосудие продолжают вызывать обеспокоенность. В Молдове были предприняты шаги по "чистке" судебной системы, но процесс часто сталкивается с сопротивлением элит, а кадровая нестабильность и нехватка институциональной независимости ограничивают эффективность изменений [15]. В Грузии, несмотря на наличие формальных реформ, наблюдается политизация высшего судебного совета и вмешательство в процессы назначения судей, что также вызывает критику со стороны ЕС [14].

Борьба с коррупцией формально остаётся в центре программ всех трёх стран. В Украине созданы такие институты, как НАБУ (Национальное антикоррупционное бюро) и ВАКС (Высший антикоррупционный суд), но политическое влияние, попытки блокировать расследования и громкие дела без реального наказания продолжают снижать доверие населения. В Молдове антикоррупционные усилия приобрели импульс после прихода к власти прозападного руководства, однако структура правовой системы по-прежнему уязвима для корпоративных интересов. В Грузии ситуация более сложна — несмотря на низкий уровень бытовой коррупции, политическая и институциональная коррупция, особенно связанная с влиянием экономических групп, вызывает обеспокоенность [7].

Свобода СМИ и гражданское пространство также демонстрируют противоречивые тенденции. Во всех трёх странах фиксируются случаи давления на независимых журналистов, попытки законодательных ограничений, дискредитационных кампаний в адрес СМИ и активистов [14]. В Грузии, в частности, в 2023 году вызвал резонанс законопроект об "иностранных агентах", который был воспринят как угроза свободе НПО и СМИ. Несмотря на то, что под давлением общественности он был отозван, попытка его принятия свидетельствует о наличии авторитарных импульсов в политической системе.

Таким образом, несовершенство институтов, политизация, коррупция, слабая защита уязвимых групп и попытки ограничить свободу выражения мнений создают заметный разрыв между европейскими стандартами и реальностью стран региона. Тем не менее, этот разрыв не отменяет прогресса – он лишь подчёркивает сложность процесса демократического перехода и необходимость долгосрочной системной поддержки со стороны ЕС, направленной не только на институциональные реформы, но и на изменение политической культуры, повышение прозрачности и вовлечение гражданского общества в процесс принятия решений [15].

В итоге, устремления к европейским ценностям остаются реальными, но их достижение требует не просто деклараций, а постоянного политического диалога, механизма условности в поддержке ЕС, стратегической настойчивости и внутренней политической зрелости стран-партнёров.

Страны Восточного партнёрства продолжают существовать в условиях конфликтной реальности, которая подрывает основы устойчивого развития, замедляет демократическое преобразование и создаёт серьёзные вызовы для человеческой безопасности [11]. В этих условиях даже самые продвинутые реформы оказываются уязвимыми перед лицом нестабильности, отсутствия доверия, насилия и нарушения прав человека.

Центральным фактором, определяющим региональную обстановку с 2022 года, является полномасштабная война в Украине, которая превратилась в крупнейший вооружённый конфликт в Европе с момента Второй мировой войны. Её воздействие вышло далеко за пределы национальных границ и приобрело трансграничный характер, затронув все ключевые измерения человеческой безопасности: от права на жизнь и защиту до доступа к медицинской помощи, образованию, экономическим ресурсам и убежищу. Миллионы людей были вынуждены покинуть свои дома, что привело к одной из крупнейших волн внутреннего перемещения и внешней миграции в регионе. Украина столкнулась с масштабными разрушениями критической инфраструктуры, ростом уязвимости мирного населения, нарушением прав женщин, детей, пожилых и лиц с инвалидностью, находящихся в зоне боевых действий [10].

Кроме самой Украины, конфликт оказал непосредственное воздействие на соседние страны, прежде всего на Молдову, которая приняла сотни тысяч беженцев и столкнулась с экономическими и энергетическими последствиями войны [6]. Рост инфляции, энергетическая нестабильность, киберугрозы и дезинформационные кампании усилили ощущение уязвимости. В результате, государства региона оказались перед необходимостью пересмотра своих подходов к национальной безопасности и политики в сфере прав человека, принимая во внимание не только внешние угрозы, но и внутреннюю социальную устойчивость.

Особое место занимают вопросы внутренне перемещённых лиц (ВПЛ), которые стали одной из наиболее уязвимых категорий населения. Их права на жильё, труд, медицинскую помощь, образование и участие в общественной жизни часто нарушаются или реализуются в ограниченном виде. ВПЛ сталкиваются с дискриминацией, социальной изоляцией, бюрократическими барьерами и недостаточной институциональной поддержкой. Эта проблема характерна не только для Украины, но и для Молдовы и Грузии, где ВПЛ из Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии продолжают оставаться в неустойчивом положении на протяжении десятилетий [13].

Одновременно, регион сталкивается с долговременными последствиями «замороженных» конфликтов, таких как Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах. Несмотря на отсутствие активных боевых действий в некоторые периоды, эти конфликты создают непрозрачные правовые зоны, нарушают права человека, ограничивают свободу передвижения и подрывают устойчивое развитие. Население, проживающее в непризнанных или частично признанных территориях, часто оказывается отрезанным от базовых прав и услуг, а международный доступ к этим регионам ограничен. В Приднестровье сохраняется параллельная административная структура, и несмотря на определённую стабильность, вопрос окончательного урегулирования остаётся нерешённым. Абхазия и Южная Осетия, находящиеся вне контроля центральной власти Грузии, продолжают

существовать в условиях международной неопределённости, а механизмы защиты прав человека в этих регионах практически не действуют.

Особый поворот произошёл в 2023 году в контексте Нагорного Карабаха, когда Азербайджан восстановил контроль над всей территорией региона, что привело к массовому исходу армянского населения и прекращению существования де-факто структур бывшей НКР [10]. Это событие вновь актуализировало вопросы безопасности меньшинств, гуманитарной помощи, международной медиации и роли внешних акторов. Для Европейского союза данная ситуация стала новым вызовом в рамках политики соседства, поставив под вопрос устойчивость механизмов раннего реагирования и долгосрочного урегулирования.

Таким образом, человеческая безопасность в регионе Восточного партнёрства остаётся под угрозой как вследствие открытых конфликтов, так и в результате затяжных и неурегулированных кризисов [2]. Эти угрозы выходят за рамки традиционного понимания безопасности и требуют комплексных решений, объединяющих гуманитарную, политическую, правозащитную и экономическую составляющие. Для Европейского союза это означает необходимость не только поддерживать партнёрские страны на пути реформ, но и выстраивать устойчивую архитектуру реагирования на кризисы, придавая приоритет защите человеческой жизни, достоинства и прав в любой политической ситуации.

Несмотря на значительные усилия по продвижению демократических реформ и укреплению устойчивости в странах Восточного партнёрства, роль Европейского союза в регионе всё чаще рассматривается как двойственная: с одной стороны, ЕС выступает как источник гуманитарной, технической и политической поддержки; с другой — он критикуется за недостаточную решимость, фрагментарность действий и отсутствие стратегической чёткости [5], [6], [14]. Эти противоречия особенно проявились на фоне недавних кризисов — войны в Украине, эскалации в Нагорном Карабахе, энергетической уязвимости Молдовы и давления на гражданское общество в Грузии.

Ключевым инструментом взаимодействия остаётся Европейская политика соседства (ENP) и её восточное направление — Восточное партнёрство [3], [8]. Первоначально эта инициатива задумывалась как платформа для сближения с ЕС без обязательства членства, с акцентом на реформы, верховенство права, экономическое развитие и стабилизацию границ. Однако, как показала практика последних лет, универсальный подход оказался недостаточно чувствителен к конфликтному контексту региона, где политическая реальность зачастую вступает в противоречие с провозглашёнными европейскими принципами. В условиях войн, замороженных конфликтов, авторитарных тенденций и социально-экономической нестабильности, многие из стандартных инструментов ЕС теряют эффективность, а долгосрочные цели — конкретность.

Тем не менее, ЕС остаётся одним из крупнейших поставщиков гуманитарной и финансовой помощи в регионе. С начала военного конфликта в Украине в 2022 году Европейский союз мобилизовал более 80 миллиардов евро помощи для Украины, включая макрофинансовую поддержку, военные поставки, гуманитарные программы и участие в восстановлении. В Молдове ЕС оказал помощь в преодолении энергетического кризиса, поддержал уязвимые группы населения и укрепил механизмы кризисного управления. Армении и Азербайджану ЕС предложил посредничество в мирном процессе, а также гуманитарное реагирование после кризиса в Нагорном Карабахе [10]. Одновременно в регионе действуют десятки программ в сферах экологической устойчивости, цифровизации, образования и развития гражданского общества.

Но, несмотря на эти усилия, регионы и сообщества часто воспринимают политику ЕС как отстранённую и бюрократическую. Это связано не только с институциональной сложностью процедур, но и с тем, что действия ЕС зачастую опаздывают или оказываются несопоставимыми с масштабом вызовов. Так, ЕС долго колебался в вопросе предоставления странам статуса кандидатов на вступление, что воспринималось как недостаток политической воли. В ситуации с Нагорным Карабахом действия ЕС были слабо скоординированы, а гуманитарная реакция — запоздалой. В случае с Беларусью — ограниченной. На фоне этих событий звучит критика о том, что ЕС действует преимущественно реактивно, а не стратегически, и что его приверженность ценностям иногда отступает перед прагматическими соображениями.

Дополнительной проблемой является неоднородность посланий ЕС: с одной стороны, он продвигает верховенство права, свободу прессы и права человека, с другой — продолжает сотрудничество с правительствами, обвиняемыми в коррупции, репрессиях или ограничении свобод, если это отвечает интересам энергетической или региональной стабильности. Подобные двойные стандарты вызывают разочарование среди партнёрских обществ и подрывают доверие к европейской политике в целом.

На этом фоне становится очевидной необходимость переосмысления стратегического подхода ЕС к восточному соседству. В первую очередь — это интеграция понятия человеческой безопасности в центр всех внешнеполитических и программных действий. В условиях, когда традиционные рамки безопасности не обеспечивают защиту от бедности, насилия, политической нестабильности и разрушения инфраструктуры, именно человек, его права, достоинство и жизненные условия должны стать фокусом политик ЕС. Это предполагает приоритетность не только помощи государственным институтам, но и работу с обществом, с уязвимыми группами, с местными инициативами и гражданскими активистами.

Во-вторых, необходимо выстраивать более гибкую, конфликточувствительную дипломатию, способную учитывать особенности конкретных стран и регионов. Стратегия "одинаковых предложений для всех" себя не оправдала. Восточное партнёрство нуждается в модернизации — в направлениях дифференциации, политической смелости и реального реагирования на кризисы. ЕС должен быть не наблюдателем, а активным участником процессов стабилизации и посредничества, при этом обеспечивая соблюдение прав человека даже в самых сложных обстоятельствах.

И наконец, важнейшим направлением становится укрепление горизонтальных связей между обществами ЕС и стран соседства: через образование, культуру, мобильность, цифровые платформы и сотрудничество университетов и гражданских структур. Европейская интеграция — это не только договорённости между правительствами, но и восприятие Европы как пространства свободы и возможностей самими гражданами. Без этого доверие к ЕС будет оставаться нестабильным, а сопротивление реформам — высоким.

Таким образом, будущее Восточного партнёрства и в целом политики ЕС в регионе зависит от способности Брюсселя сочетать принципы с прагматизмом, оперативность с устойчивостью, и, главное, — учитывать голос людей, а не только официальных структур [15], [14]. Это и есть путь к подлинно устойчивому, мирному и безопасному восточному соседству.

Библиография:

1. European Commission.Eastern Partnership: A New Agenda for Recovery, Resilience and Reform [Электронный ресурс]. — Brussels, 2021. — URL: https://ec.europa.eu/info/ (дата обращения: 28.03.2025).
2. European External Action Service (EEAS). EU’s response to Russia’s aggression against Ukraine[Электронный ресурс]. — Brussels, 2022. — URL: https://www.eeas.europa.eu/ (дата обращения: 28.03.2025).

3. European Council. European Council Conclusions on Ukraine, Moldova and Georgia – Candidate Status. — Brussels, June 2022.
4. European Union. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe – A Global Strategy for the EU's Foreign and Security Policy. — Brussels, 2016. — 56 p.
5. European Parliament. The EU and Eastern Partnership Countries: Challenges of Human Rights and Rule of Law. Policy Department for External Relations. — Brussels, 2023.
6. Tocci, N. Framing the EU's Global Strategy: A Stronger Europe in a Fragile World / Nathalie Tocci. — London: Palgrave Macmillan, 2021. — 240 p.
7. Delcour, L. The EU and the Eastern Partnership: Democracy Promotion in the Shadow of Russian Power / Laure Delcour. — London: Routledge, 2018. — 208 p.
8. Böttger, K., Falkenhain, M. The Eastern Partnership at the Crossroads: Building a Resilient Partnership for a New Era. — Berlin: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2023. — 78 p.
9. Emerson, M., Blockmans, S. (eds.). The Eurasian Economic Union and the European Union: Geopolitics, Geo-Economics and Opportunities for Europe. — Brussels: CEPS, 2018. — 268 p.
10. International Crisis Group. Nagorno-Karabakh: Seeking a Path to Peace in the South Caucasus. Europe Report No. 264. — Brussels, 2023. — 34 p.
11. UNHCR Moldova. Regional Refugee Response Plan – Ukraine Situation. — Geneva: United Nations High Commissioner for Refugees, 2023. — 48 p.
12. OSCE/ODIHR. Reports on Human Rights and Conflict-affected Areas in Eastern Europe. Annual Publications. — 2022–2024.
13. Popescu, N. The Geopolitics of the Eastern Neighbourhood. — Paris: European Union Institute for Security Studies (EUISS), 2022. — 42 p.
14. Council of the European Union. EU Action Plan on Human Rights and Democracy (2020–2024). — Brussels, 2020. — 36 p.
15. Chiriac, M. Republica Moldova între criza umanitară și reforma strategică: o analiză în contextul Parteneriatului Estic / M. Chiriac // Revista de Studii Europene. — 2023. — Nr. 1. — P. 23–35.
16. Mungiu-Pippidi, A. Europe's Burden: Promoting Good Governance in Fragile States, Cambridge: University Press, 2020. — 290 p.

1